

УДК 821.111-312.2

ТАТЬЯНА ЖАДАНОВА

(Харьков)

ПРЕДТЕЧИ К. С. ЛЬЮИСА В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ

Ключові слова: фентезі, наратив, алегорія, проблематика, міфологізм.

Говоря об особенностях творчества родоначальника христианского фэнтези К. С. Льюиса, мы, прежде всего, обращаем внимание на новый тип повествования, сформировавшийся под влиянием ряда факторов. Одним из важнейших здесь является вопрос о художественных особенностях, используемых предшественниками К. С. Льюиса.

Задачей данной статьи является рассмотрение творчества ряда писателей, оказавших непосредственное влияние на творческую манеру Льюиса, с целью выявления проблемно-тематической или художественной специфики каждого автора, трансформировавшейся впоследствии в произведениях К. С. Льюиса. В своем исследовании мы опирались на работы таких ученых, как Л. Картер, Р. Хайн, М. Эделсон.

При выборе писателей-предшественников Льюиса мы руководствовались следующим. Во-первых, следует вспомнить о тех авторах, которые традиционно определяются как родоначальники жанра фэнтези. Во-вторых, необходимо обратиться к творческому наследию тех писателей, особенности нарратива которых проявились в совмещении внешне развлекательной формы и серьёзного содержания и предвосхитили стиль письма К. С. Льюиса. Здесь нам необходимо проследить две тенденции. Исследуя произведения К. С. Льюиса, мы обращаемся к его предшественникам в сфере фантастической литературы. Особенно это необходимо для анализа «Космической трилогии». Второе направление – рассмотрение творчества авторов, использовавших аллегорическое начало в своих произведениях.

Прежде всего необходимо отметить, что всё творчество К. С. Льюиса зиждется на глубоком знании литературного процесса, обусловленном его профессиональной деятельностью как филолога-классика. В своих художественных произведениях К. С. Льюис стремился выразить и донести до читателя чувство восторга, названное им «Joy». Следующим немаловажным событием в жизни К. С. Льюиса было прочтение книги Дж. Макдональда «Фантасты», которая впоследствии оказала огромное влияние на написание его собственных фэнтези.

Также на творческую манеру К. С. Льюиса повлияли произведения, включающие в себя аллегорические мотивы. В своей работе «Аллегория любви. Изучение средневековой традиции» К. С. Льюис уделяет весьма важное место книге «Королева фей». Она вызвала его пристальный интерес ещё и потому, что её главной идеей является именно аллегория любви, мастерски развёрнутая Э. Спенсером. Система оппозиций, предложенная в поэме (естественное – искусственное, любовь – эгоизм), в дальнейшем активно использовалась К. С. Льюисом в его собственных художественных и теологических произведениях. Посредством восприятия данного произведения мы можем понять вторую характеристику произведений К. С. Льюиса: аллего-

рический конфликт между добром и злом. Говоря о Э. Спенсере, К. С. Льюис отметил, что «он навсегда поглощён такой ультимативной антитезой, как Свет и Тьма или Жизнь и Смерть», эта особенность также касается творческого наследия и самого К. С. Льюиса [5, с. 313]. «Им завладело выражение добра и зла, потому что он находит ультимативную антитезу между ними» [5, с. 31]. Более того, другой комментарий, сделанный им относительно Спенсера, также относится и к самому К. С. Льюису: «...постоянное давление антитезы «день и ночь» никогда не склоняло его к двойственности. На него произвёл впечатление более, чем на других поэтов, конфликт двух сильных противоположностей, осознание того, что наш мир двойственен во всём, но не в самом последнем – средстве спасения» [5, с. 314].

Ещё один автор, оказавший на К. С. Льюиса принципиальное влияние, – Д. Беньян и его роман «Путь паломника». Ему принадлежит, по выражению М. Эделсон, особое место в английской литературе как примеру «пуританской аллегории». Она называет «Путь паломника» «верстовым столбом в развитии английской аллегории» [3, с. 22]. Роман Беньяна представляет собой аллерию в том её виде, который в своей условности ближе всего притче. Поэтому интерес представляет не столько сюжет (как и характеры, он весьма схематичен), сколько проблематика. В свою очередь, К. С. Льюис не скрывал, что написал «Кружной путь, или блуждания паломника» как ответ на книгу Беньяна. В оригинале ссыла более заметна: словосочетанию «The Pilgrim's Progress» соответствует «The Pilgrim's Regress». Сам же приём «моральной географии» – один из основных приёмов повествования – оказался весьма популярным в литературе. Этой же традиции следовал и К. С. Льюис.

Если говорить о тех, кого устоявшаяся традиция называет среди предшественников К. С. Льюиса, то здесь надо отметить У. Морриса, Э. Эддисона и лорда Дансени. Л. Картер уделяет этим трём авторам особое внимание, считая, что основная их роль состоит в создании фантастической (или, лучше сказать, «фэнтезийной») литературы нашего столетия. Л. Картер свою главу о них назвал «Люди, которые изобрели фэнтези». Он убеждён, что данные авторы первыми представили в своих романах «все элементы героического или эпического фэнтези, которые используются сейчас» [2, с. 134].

У. Моррис не принадлежал к традиционному направлению английской художественной прозы, но создал свою собственную традицию. Она основана на своеобразной трактовке культуры Средних веков. Источниками его романов послужили, главным образом, рыцарские романы, придавшие его собственным сюжетам основательность, а стилю – неповторимость.

Лорду Дансени принадлежит сравнительно небольшое количество известных фантастических романов, лучшим из которых является «Дочь короля эльфов» (1924). Его главным наследием можно считать короткие рассказы в жанре «героического фэнтези»: «Боги Пеганы», «Книга удивления», «Рассказ мечтателя». Но лорду Дансени принадлежит гораздо более значительная роль в истории не фэнтези, а философской иносказательной прозы XX века. Основное значение рассказов Дансени поэтому состоит в том, что он смог предугадать не столько сюжетно-тематические, сколько этические категории, в которых будут мыслить писатели второй половины XX века. Именно книги лорда Дансени более всех близки к аллерию, в оценке М. Эделсон.

В центре внимания Э. Р. Эддисона находились скандинавские мифы и саги. Его роман «Червь Уроборос» (1922) написан стилизованным староанглийским языком на основе текста Старшей Эдды. То, что роднит роман Эддисона с последующими произведениями фантастической литературы, – это место действия, куда таинственным образом переносится герой. Однако, по выражению Л. Картера, «от нас не ждут серьёзного отношения к этому» [2, с. 145]. Тема космического путешествия оказывается предлогом для более серьёзного разговора, смоделированный мир средневековья на другой планете представляет собой скорее отголосок идей Платона о «гармонии небесных сфер». Художественное пространство базируется на материале переработанной культуры Средних веков и помещено в канву фэнтези, что является своего рода синтезом научной фантастики и фэнтези. Такой же ход использовал и К. С. Льюис в своей «Космической трилогии», наполнив шаблонную рамку нетипичным содержанием.

Есть, однако, автор, чьи книги оказали на К. С. Льюиса гораздо большее воздействие. В повести «Расторжение брака» (критики относят её к разряду аллегорий) проводником героя по преддверию рая становится «старик, продубленный дождём и ветром, как пастух, которого туристы считают простаком, потому что он честен, а соседи по той же самой причине считают мудрецом» [1, с. 226]. Узнав, что перед ним Джордж Макдональд, герой, прототип самого К. С. Льюиса, признаётся: «для меня началась новая жизнь» [1, с. 235].

Один из исследователей творчества Дж. Макдональда, Р. Хайн, в своей книге «Гармония в душе» (1982) отмечает такую черту, присущую прозе Дж. Макдональда, как мифологизм, понимаемый им следующим образом: «Миф (и мифологический сюжет) помогает человеку интуитивно постичь то, что скрыто от его восприятия в обыденной жизни» [4, с. 12]. Р. Хайн убеждён, что писатели, создающие в своих произведениях собственный миф или реконструирующие уже известные мифологические системы, «следуют в своём творчестве вслед за Платоном, чьи мифы представляли собой попытки пояснения его философских концепций» [4, с. 17]. Использование мифологических мотивов и сюжетов станет впоследствии одной из характерных особенностей творчества К. С. Льюиса (например, роман «Пока мы лиц не обрели»).

Дж. Макдональд неоднократно обращался к «символическим волшебным сказкам» (термин Р. Хайна), которые можно отнести и к разряду иносказаний. Наиболее известны из них «За спиной у Северного Ветра» (1871), «Принцесса и Гоблин» (1872), «Принцесса и Карди» (1883). При всей внешней фантастичности описываемых событий и сказочности атмосферы (замки, горы и населяющие их странные существа, гоблины), в текстах явно прочитывается христианское содержание.

Необходимо отметить сходство между сказками Дж. Макдональда и циклом «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса. Роман «Лилит» (1895) оказал влияние и на другие произведения К. С. Льюиса (на образном уровне оно особенно заметно в «Мерзейшей мощи», а на нравственно-этическом – в «Расторжении брака»).

Нельзя не отметить ещё одного автора книг и философско-богословских трактатов – Г. К. Честертон. Основная черта художественного творчества Г. Честертон – это его знаменитая парадоксальность. Наиболее

парадоксальным произведением в его творчестве является «Человек, который был Четвергом». Целью парадоксов Г. Честертон было, по убеждению Дж. Р. Толкина, достичь того, что в эссе названо «восстановлением ясного видения мира». Та «странность, которая проявляется в стертом облике слишком привычных вещей, вдруг увиденных под новым углом зрения» [6, с. 98], и является своеобразным стержнем многих его рассказов и романов. Здесь нельзя не упомянуть о сходстве, которое существует между романами Честертон и Льюиса. Зачастую подход последнего прямо повторяет основные положения Г. Честертон. Антитеза «естественное – неестественное» («нормальное – ненормальное»), закономерно вытекающая из эссе Г. Честертон «Три типа людей», играет важную роль в «Человеке, который был Четвергом». С другой стороны, К. С. Льюис в романе «Мерзейшая мощь» активно развивает и дорабатывает противопоставление «интеллектуалов», «поэтов» и «обычных людей», предложенное Г. Честертоном в эссе. Парадоксы Г. Честертон играют роль зеркала, которое он ставит перед человеком, предлагая ему увидеть свои недостатки. Однако главным парадоксом Г. Честертон является то, что стремление к необычному оказывается на самом деле воспеванием нормального, то есть естественного, в мире. С. Медкаф подробно останавливается на защите Г. Честертоном волшебных сказок, видя в этом продолжение традиции, которая исходит от Дж. Макдональда и которую после Г. Честертон продолжали Дж. Р. Толкин и К. С. Льюис [6, с. 105].

Следовательно, в контексте нашей темы творчество Г. Честертон имеет особое значение, поскольку именно он в самом начале XX века обратился к открытому соединению внешне «несерьёзной», развлекательной формы и крайне серьёзного содержания. Фактически вопросы, которые ставит и решает в своих романах Г. Честертон, настолько глубоки, что выводят повествование за рамки художественной прозы. Косвенным доказательством может служить сходство проблематики его романов и рассказов с одной стороны и его эссе и теологических работ – с другой. Поэтому К. С. Льюису Г. Честертон ближе как рефлектирующий христианин, облекающий свои мысли в форму повествования.

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что анализ творчества предшественников К. С. Льюиса демонстрирует, во-первых, глубокие литературные корни, которыми обладает манера его повествования. Во-вторых, попытка искать истоки романов К. С. Льюиса исключительно в фантастической литературе лишена смысла, поскольку противоречит принципиальному подходу автора к творчеству. Он, в свою очередь, заключается в контаминации не только различных литературных традиций, но и различных типов повествования. Среди авторов, называемых критикой «непосредственными предшественниками» К. С. Льюиса, следует назвать Э. Спенсера и Д. Беньяна, творчество которых насыщено мощным аллегорическим началом, оказавшим прямое влияние на творчество Льюиса. Особое внимание следует уделить Дж. Макдональду и Г. Честертону с одной стороны и У. Моррису, Э. Эддисону и лорду Дансени – с другой. На творчество К. С. Льюиса в гораздо большей степени повлиял Дж. Макдональд и как религиозный мыслитель, и как писатель. Сходство прослеживается и в сфере проблематики, и поэтики. Сказки Дж. Макдональда для детей, равно как его романы для взрослых, действительно объединяют в себе за-

нимательность фабулы и глубину проблематики. Это умение достигает своей вершины в творчестве ещё одного последователя Дж. Макдональда – Г. К. Честертон, повествованию которого присуще сочетание фантастичности и парадоксальности, равно как и некоторая схематичность характеров, что в полной мере мы можем проследить в художественных произведениях К. С. Льюиса. Кроме того, Г. Честертон предвосхитил такую тенденцию XX века, как использование форм развлекательной литературы как оболочки для серьезных философских и религиозных рассуждений. Книги Г. Честертон, сочетающие в себе элементы художественного и эссеистского повествования, во многом являются прямыми предшественниками литературной манеры К. С. Льюиса. Выводы этой статьи намечают пути дальнейшего изучения творчества писателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Льюис К. С. Письма Баламута. Страдание. Расторжение брака. Размышление о псалмах. Письма к Малькольму : собр. соч. в 8 т. Т. 8 / К. С. Льюис ; [пер. с англ. Н. Трауберг и др.]. – М. : Фонд о. Александра Меня ; СПб. : Библия для всех, 2004. – 464 с.
2. Carter L. Imaginary Worlds: The Art of Fantasy / Lin Carter. – N. Y. : Ballantine, 1993. – 278 p.
3. Edelson M. Allegory in English fiction of the 20th century / M. Edelson. – Lodz : Methuen, 1985. – 209 p.
4. Hein R. The harmony within. The spiritual vision of George MacDonald / R. Hein. – Eureka : Sunrise Books Publishers, 1989. – 163 p.
5. Lewis C. S. The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition / Clive Staples Lewis. – Oxford : Oxford University Press, 1956. – 468 p.
6. Medcalf S. The achievement of G.K. Chesterton / S. Medcalf // G.K. Chesterton: A centenary appraisal. – London : Pan Books, 1974. – P. 95–112.

ТАТЬЯНА ЖАДАНОВА

ПРЕДТЕЧИ К. С. ЛЬЮИСА В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ

Эта статья исследует феномен творческой манеры Льюиса с точки зрения влияния на него предшественников. Выделяются три группы писателей, оказавших существенное воздействие на Льюиса: 1) представители фантастической и аллегорической литературы (Дж. Макдональд, Э. Спенсер, Д. Беньян), 2) родоначальники жанра фэнтези (У. Моррис, Э. Эддисон и лорд Дансени), 3) писатели, совмещающие внешне развлекательную форму повествования и серьёзное содержание (Г. Честертон). В статье особо акцентируется на той части проблемно-тематической или художественной специфики каждого автора, которая впоследствии была унаследована и развита Льюисом.

Результатом анализа становятся аргументированные выводы, включающие следующие положения: 1) манера повествования Льюиса имеет глубокие литературные корни; 2) попытка искать истоки романов Льюиса исключительно в фантастической литературе лишена смысла, поскольку противоречит принципиальному подходу автора к творчеству, который, в свою очередь, заключается в контаминации не только различных литературных традиций, но и различных типов повествования; 3) наибольшее влияние на творчество Льюиса оказали произведения Дж. Макдональда (занимательность фабулы и глубина проблематики, мифологизм) и Г. К. Честертон (сочетание фантастичности и парадоксальности).

Ключевые слова: фэнтези, нарратив, аллегория, проблематика, мифологизм.

TATYANA ZHADANOVA

PREDECESSORS OF C. S. LEWIS'S WORKS IN THE FANTASY GENRE

This article explores the phenomenon of creative manner of Lewis in terms of the impact of his predecessors. There are three groups of writers that have had a significant impact on

Lewis: 1) representatives of the fantastic and allegorical literature (J. McDonald, E. Spencer, D. Bunyan), 2) the founders of the genre of fantasy (William Morris, E. Addison and Lord Dunsany) 3) writers who apparently combine entertainment and serious form of narrative content (G. Chesterton). The article focuses particularly on the part of the topical or artistic specifics which were later inherited and developed by C. S. Lewis.

The results of the analysis are: 1) the manner of Lewis's narration has deep literary roots; 2) the attempt to look for the origins of Lewis's novels only in science fiction does not make sense because it contradicts the fundamental approach to the creation of the author who, in turn, is not only the contamination of different literary traditions, but also different types of narrative; 3) The biggest impact on Lewis's work had works of J. Macdonald (entertaining plot and depth of perspective, mythologism) and G. Chesterton (a combination of the fantastic and paradoxical).

Key words: fantasy, narrative, allegory, problems, mythologism.

Одержано 3.07.2015 р.